

А.В. ТАГИЛЬЦЕВ
(г. Екатеринбург)

ТЕМА «ЧУЖБИНЫ» И ПРОБЛЕМА ЧУЖЕСТИ В «АЗИЙСКИХ» СТИХАХ А. АХМАТОВОЙ И К. НЕКРАСОВОЙ

Литература не только осваивает наш мир по законам красоты и нравственности. В процессе художественного миромоделирования в тексте фиксируются ментальные представления об окружающей действительности, в том числе о пространственной и временной составляющих. Как показывает опыт, прочтение художественных текстов требует самого пристального внимания к совокупности пространственно-временных характеристик в их соотносительности с историческими и географическими реалиями, что позволяет наиболее адекватно их интерпретировать. Особую актуальность данный аспект приобретает в последние десятилетия, в связи с распространившейся практикой дискурсного анализа, практикой, предполагающей комплексный подход с использованием целого ряда научных дисциплин – лингвистики, истории, социологии, антропологии, психологии, и, конечно же, литературоведения.

На Западе уже существуют работы, связанные с интерпретациями целых культурных дискурсов. Так, основополагающим исследованием, во многом перевернувшим представления европейских и американских интеллектуалов стала работа американского ученого палестинского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм»¹. Вслед за ней уже вышел целый ряд исследований, посвященных анализу различных «ментальных карт» мира и культурных дискурсов. В числе авторов можно назвать Ларри Вульфа («Изобретая Восточную Европу»)², Марию Тодорову, Айвера Ноймана. В современном отечественном литературоведении наблюдается повышенное внимание к расширенному исследованию интертекстуальной природы текста, фактически утизывающем в контексте практики дискурсного анализа исторические, географические, социологические и психологические аспекты. В числе исследований следует назвать прежде всего монографию Александра Эткина³. Появляются работы, посвященные изучению различных ас-

¹ *Said, Edward W.* Orientalism. – New York, 1979; недавно книга наконец вышла на русском языке: Саид Эдвард В. Ориентализм: Западные концепции Востока. – М., 2006.

² *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. – М., 2003.

³ *Эткин А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М., 2001.

пектов, связанных с особенностями взаимодействия географии, культурной среды и художественного текста⁴.

Активное использование методик, связанных с изучением поэтической географии, с учетом социокультурного и исторического контекста, в литературоведении, на наш взгляд ведет к эффекту прямо противоположному ожидаемому. Подобный подход не множит интерпретации художественного текста, а, наоборот, помогает *четко очертить возможный интерпретационный круг*, проясняя, что мог и что не мог закладывать в текст автор, исходя из его мировосприятия, а также с учетом культурной типологии, менталитета эпохи и общества и индивидуальных коллизий авторской судьбы.

Предметом научного интереса в этой статье стали стихи двух русских поэтов, написанные в сходных обстоятельствах и связанные с поэтической рефлексией на новое, доселе незнакомое географическое пространство. Драматическая ситуация начала Великой Отечественной войны, массовая эвакуация из западных и центральных районов страны в Среднюю Азию⁵ поневоле привели к созданию интереснейших серий стихов, в которых и Анна Ахматова, и Ксения Некрасова фактически открывают для себя мир Востока, воспринимая его с точки зрения человека, воспитанного в координатах западной культуры (понимая в данном случае Запад в максимально широком культурно-цивилизационном смысле).

Тем интереснее было понаблюдать за процессом освоения чужого пространства, процессом, в котором прослеживается и поразительное сходство творческих установок и художественной практики двух поэтов, и не менее важные и значительные их различия.

Стихи, написанные в 1941-1944 гг., исследовались с учетом хронологии их создания⁶. Надо сказать, что в этот период и у А. Ахматовой, и у К. Некрасовой «восточная» тематика становится одной из центральных. Так, в ахматовской поэзии отчетливо прослеживается своего рода параллель / оппозиция «Север» – «Юг» с двумя главными «полюсами притяжения»: Ленинград (Петербург) и Ташкент (шире – Азия). С этими полюсами соотносятся циклы стихов, созданные или

⁴ Барковская Н.В. «Итальянский текст» как этап творческой саморефлексии в русской поэзии 1910-х гг. // Русская литература XX-XXI вв.: направления и течения. Вып. 7. – Екатеринбург, 2004; Барковская Н.В. Поэтическая география как тема элективного курса // Филологический класс. – 2007. – № 18.

⁵ А. Ахматова была эвакуирована из Ленинграда, К. Некрасова из Подмосковья.

⁶ Тексты А. Ахматовой цитируются по изд.: Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Кн. 1. – М., 1999; тексты К. Некрасовой приводятся по: Некрасова К. На нашем белом свете: стихи, наброски. – Екатеринбург, 2002.

создаваемые в сороковые годы. В «Ветре войны» центральным образом миропереживания лирической героини становится судьба Ленинграда и людей, живущих в нем и защищающих Город. Один из вариантов названия «Северных элегий», часть из которых написана или задумана в Ташкенте – «Ленинградские элегии». А значительная часть стихотворений, написанных в Ташкенте, составила цикл «Луна в зените» (первоначальные варианты названий «Ташкентские стихи» или «Ташкентские страницы»). При этом не стоит ограничиваться рамками только этого цикла, который, как художественное целое, уже служил объектом исследования⁷. Важно увидеть полную хронологическую последовательность развития основных тем и мотивов в «ташкентских» стихах, связанных с контактами лирической героини Ахматовой с новым, доселе неизвестным «лично» миром Востока⁸.

Та же самая логика повторяется и в работе с текстами К. Некрасовой, причем в ее творчестве в рассматриваемый период подавляющее большинство стихотворений связано с темой Востока. Это весьма характерно для художественного мышления Некрасовой, ведь источником её поэтического вдохновения становились обычно самые непосредственные впечатления от окружающего, ближнего мира.

Итак, оба поэта, вырванные из привычного миропорядка и хода событий, в ситуации, когда переплетаются трагедия народа и личная беда⁹, переносятся в совершенно новое для себя пространство. В мир, связанный с традициями иной культуры, иной цивилизации, таинственный и древний Восток, где и Ахматова, и Некрасова оказываются впервые. И чрезвычайно интересно, что при несомненном принципиальнейшем различии и эстетики, и художественной манеры, и мировосприятия Ахматовой и Некрасовой лирические героини их «восточных» стихов идут одним и тем же путем. Фактически, разворачивают один и тот же сюжет, связанный с формированием отношения к новому миру. Можно выделить основные этапы в динамике чувств лирического героя у обоих поэтов, связанные с художественным постижением и освоением нового, доселе неизвестного мира Средней Азии, который для них является олицетворением Востока (не случайно в одном из стихотворений Ахматовой «Ты, Азия, родина родин...») соединяются и Средняя Азия, и Бирма, и Китай).

⁷ См., напр.: *Аминова О.Н.* Поэтика лирического цикла «Луна в зените» А. Ахматовой // *Русская литература XX-XXI: направления и течения.* Вып. 8. – Екатеринбург, 2005.

⁸ Следует сказать, что и в «северных», «ленинградских» стихах нередко звучит отголоском тема Азии.

⁹ У Некрасовой умирает ребенок, сходит с ума муж, Ахматова оставляет в Ленинграде друзей и близких, многих из которых она уже не увидит.

1. Отправной толчок – эвакуация, и связанные с ней мотивы бегства, странничества, изгнания, потерянной (покинутой родины), оборачивающиеся потрясением, серьезной психологической травмой.

2. Знакомство с чужим миром – и момент радостного и благодарного узнавания Востока.

3. Любовь к этому новому миру и неоднократно воссозданный образ цветения как доминирующая тональность.

Конечно же, стихи каждого из поэтов полны индивидуальных нюансов и оттенков, но, тем не менее, обозначенные вехи прослеживаются вполне отчетливо. Так, у К. Некрасовой тему эвакуации открывает стихотворение «Не надо плакать, мой стих», написанное в самом начале 1942 года:

Не надо плакать,
 мой стих!
Ты наденешь на плечи рюкзак,
Русскую палку в руки возьмешь, -
И по дальним верстам дорог
Себя для людей понесешь.

В стихотворении с первых строк звучит мотив странничества, который усиливается образами бегства, потери, утраты:

А мы, с грудными на руках
От бомб
Вдоль родины бежали
И зарывали счастье у дорог <...>

Смерть ребенка наносит героине страшную душевную травму, незаживающую рану: «Осиновый кол / В груди у меня». Крепнет ощущение изгнанничества, собственного отщепенства, затерянности в мире: «Безгнездые / Мы растеряли стаи». Этому ощущению целиком посвящено и другое стихотворение Некрасовой с выразительным названием: «Беженка» (1942).

Лирическая героиня четко ощущает дистанцию, фактически пропасть, между прежним и новым миром, например, в стихотворении «В тылу» (1942), которое начинается с оппозиции:

Идет война в России.
Мы жили в Сулюкте.

Но в этом же стихотворении вереницу поэтических зарисовок, связанных с созданием картины тягот, невзгод и душевной бесприютности сорванных с места людей, тяжелого труда и неустроенного быта

военной поры венчает описание играющих киргизских детей, и в стихотворении появляются первые яркие краски:

А на щеках – бутоны роз,
И на губах – бутоны роз,
И в каждом взгляде –
Меж ресниц –
Смешинки вывели птенцов.

Поэт жадно и пристально ищет приметы неостановимого потока жизни, а дети в любое время и в любом пространстве остаются прежде всего детьми. И хотя внешне – халаты, шапки – «киргизята» мало похожи на уральских и среднерусских девчонок и мальчишек, бегают и дурачатся они точно также. Уже нащупывается мостик между мирами, внешняя несхожесть не означает абсолютной пропасти непонимания.

И в стихотворении «Да присохнет язык к гортани...» в полной мере разворачивается ситуация радостного и благодарного узнавания мира Востока – и, прежде всего, его людей. Повторяющиеся первые и последние строки стихотворения стилизованы под цветистое восточное изречение:

Да присохнет язык к гортани
У отрицающих восточное
Гостеприимство!

Этим высказыванием задается сюжет стихотворения: изможденные и голодные беженцы отправляются по кишлакам менять вещи на продукты – и им *все* отказывают. Но не потому, что люди так жадны – наоборот, в них сильно нравственное чувство, не позволяющее грабить голодного. И заканчивается все в лучших традициях восточного гостеприимства, несмотря на тяжкую военную пору – пиром. Вся вторая половина стихотворения – великолепный натюрморт, действительно, пиршество красок, полнота и радость бытия:

И глыбой мрамора лежало
В пиале солнечной
Овечьё молоко,
Урюк и яблоки дышали,
Орехи грецкие трещали <...>
и пряно пахло
Фруктами из сада
И медной утварью
Осыпанной листвы.

Благодарность и признательность людям, в тяжелый час преломившим с ней кусок хлеба, предполагает пристальное вглядывание в окружающий мир. И для целого ряда стихотворений К. Некрасовой, написанных в 1942-1944 годах, характерна ситуация радостного любования редкостной и непривычной красотой, открывающейся лирической героине. Таковы стихотворения «Горный февраль», «В котловине хребта Алатау», «Чеснок».

Ах! Какие здесь луны
Стоят в вечерах
И в ночах
В конце февраля <...>
Когда воздух, как раздавленный
плод,
по рукам,
по щекам,
по ресницам течет,
ароматом весны.
(«Горный февраль»)

Некрасова использует образы, традиционно маркированные в культуре, как «восточные» – огромные яркие луны, сочные плоды, благоуханные ароматы – и то же время это не набор штампов, а реалии того мира, который ею обживается и поэтически осваивается. Мира, который воспринимается как чудо, и до конца не познается, не разгадывается. Такое же буйство красок и запахов, ощущение свежести и полноты весеннего, майского цветения жизни можно встретить в стихотворении «Чеснок» (1944) и в целом ряде других текстов.

Другой поэт, волею судьбы вынужденный открывать для себя и для читателей мир Востока, Анна Ахматова, оказывается заброшена сюда в обстоятельствах, во многом сходных с теми (может, лишь немного менее тяжкими), в которых свершался путь Ксении Некрасовой. И отмеченные этапы пути также прочитываются в стихотворениях и отрывках Анны Андреевны.

Еще по пути в Среднюю Азию, в вагоне записывается четверостишие:

И осталось из всего земного
Только хлеб насыщенный твой,
Человека ласковое слово,
Чистый колос полевой.

Состояние лирического субъекта в этой лаконичной, но предельно емкой поэтической формулировке нельзя охарактеризовать иначе,

как предельно опустошенное и отрешенное. Катастрофичность мироощущения подчеркивается обращением непосредственного к Богу и ситуацией подведения итогов всего сущего. При этом Ахматовой важно было подчеркнуть ситуацию, когда создавались эти строки, и под стихотворением, кроме обычной датировки, стоят слова «Вагон. Эвакуация». Тем самым заданы знакомые и по поэзии Некрасовой мотивы бегства, скитания, изгнания. Мотив изгнания будет встречаться и в других, уже «ташкентских» стихах Ахматовой:

В изгнаныи сладость острая была...
(«Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»)

И тема смерти, связанная с мотивом пути, странствия, плавания – и расставания с родиной – будет развита в небольшом цикле из двух стихотворений «Смерть»:

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах – и страшная минута
Прощания с моей родной страной.
Август 1942
Дюрмень

Но и лирическая героиня Ахматовой сразу же начинает чувствовать искренний и неподдельный интерес к миру, в котором она очутилась. Наверное, не случайно, что пробуждение этого интереса связано с пробуждением природы, весенним обновлением и возрождением. Апрелем 1942 года датирована одна из первых «ташкентских» лирических миниатюр:

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

В стихотворении слышатся отголоски случившейся катастрофы (особенно в 4-6 строках, да и горечь дыма отнюдь не случайна), но его тональность в целом светла, интонации кажутся даже чуть-чуть легкомысленными (первые строчки), изящная рифмовка по типу ААВССВ создает ощущение легкости и непринужденности. Именно таким, утонченным, красивым, изящным, открывается лирической героине Восток. И, конечно же, Восток для неё – традиции и культура (не только Шехерезада, но и сад; и «как твой тополь высок» – старый, стоящий не одно поколение).

И точно также сочетаются горечь утраты прежнего пространства и радость, сладость открытия нового в уже упомянутом «Как в трапезной – скамейки, стол, окно...»:

В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

И опять перед нами - сочетание точных деталей и примет быта и уклада жизни Средней Азии и укорененных в культуре образов. Кульминации подобное сочетание достигает в стихотворениях, посвященных весеннему, расцветающему Ташкенту: «Ташкент зацветает», «Еще одно лирическое отступление». Лирическая героиня Ахматовой, открывая для себя (узнавая знакомый заочно, по книгам и рассказам) Восток, откровенно любит его (ситуация, уже знакомая по стихам Некрасовой):

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Неприкрытое восхищение так нечасто звучит в сдержанных ахматовских интонациях, но здесь лирическая героиня откровенно желает быть созвучной неистовой энергии цветения. Внимание концентрируется на красках и запахах (вспомним, у Некрасовой тоже), поэт стремится запечатлеть уникальность увиденной картины, и собственных ощущений.

Восток Ахматовой предстает невероятно красивым, утонченным, традиционным и неожиданным, буйным и спокойным, вальяжным и ленивым, прохладным и душным. Важен рефреном повторяющийся в ряде текстов образ луны. В стихотворении «Когда лежит луна ломтем

чарджуйской дыни» он добавляет к характеристике Востока черты царственного величия и, конечно же, тайны и загадки. Семантика таинственного в полной мере раскрывается в стихотворении «Это рысьи глаза твои, Азия»:

Это рысьи глаза твои, Азия,
 Что-то высмотрели во мне,
 Что-то выдразнили подспудное
 И рожденное тишиной,
 И томительное, и трудное,
 Как полдненный термезский зной.
 Словно вся прапамять в сознание
 Раскаленной лавой текла...

Тема прапамяти, репродуцирования культурного опыта на уровне подсознания и отдельного человека, и всей человеческой цивилизации, своего рода культурного генетического кода, заданная еще Н. Гумилевым в одноименном стихотворении 1915 года, несколько раз встречается и в поэзии А. Ахматовой. Таинство иной культуры порождает в душе лирической героини беспокойство (в самом образе «Это рысьи глаза твои, Азия» соединяются мудрость, сопряженная с вечностью, и скрытая угроза, ощущение тревоги, будоражащей исторической памяти). Но за этим беспокойством – глубина проникновения и в себя самое, и в судьбу человечества.

Выявляя логику восприятия и поэтического освоения образа Востока, я обозначил параллельные сюжеты и этапы их воплощения в стихах А. Ахматовой и К. Некрасовой. Но не менее важной для понимания поэтических концепций является ситуация, связанная с «вживанием» в этот мир и последующим расставанием с Азией. И здесь пути поэтов принципиально расходятся.

Для К. Некрасовой Восток так и не становится домом, родиной. Да, её героиня вроде бы перестает ощущать себя на чужбине, в изгнании. Но и дом она не обретает – в лучшем случае она здесь в гостях. Характерно некрасовское стихотворение «Вдали от Родины», где в сознании лирической героини выстраивается отчетливая оппозиция «Север» – «Юг» (или «Восток») (у Ахматовой, напомним, это, скорее, параллель). Когда она отдыхает на фоне пышной южной зелени ей внезапно представляется зимний заснеженный Тверской бульвар. Лирическая героиня испытывает буквально приступ тоски и ностальгии, а в финале стихотворения делает выбор, причем сознательно и бесповоротно отвергает одно пространство (Восток) ради другого:

Ах, север, север!
 Здесь пряно,
 пыльно,
 душно,
 от пестроты и яркости
 болят глаза,
 и так тоскливо –
 по большим снегам, –
 хоть горсточку бы
 русского снежку
 с московских улиц
 вьюга принесла.

Совершенно иначе ощущает себя лирическая героиня в поэзии А. Ахматовой, в данном случае являясь полностью *alter ego* автора. Хотя образ Ленинграда-Петербурга постоянно находится в центре поэтической рефлексии, он ни разу не противопоставлен Ташкенту. Азия становится еще одной родиной, тема обретенного дома становится одной из главных тем «ташкентских» стихов.

Он прочен, мой азийский дом,
 И беспокоится не надо...
 Еще приду. Цвети, ограда,
 Будь полон, чистый водоем.

(«Я не была здесь лет семьсот...»)

И в этом, и в других стихах параллельно с темой дома, звучит мотив прощания, но это прощание не навек, и не потому, что этот дом надоел – просто есть другой, который тоже помнит и ждет:

Теперь я всех благодарю,
 Рахмат и хайер говорю
 И вам машу платком.
 Рахмат, Айбек, рахмат, Чусти,
 Рахмат, Тошкент! – прости, прости,
 Мой тихий древний дом.

Глубочайшее уважение и вживание в культуру Востока проявляется не только в формах благодарности на узбекском языке, но и в выбранной поэтом исконной форме названия города – правильной, нерусифицированной. Ахматова всегда исключительно точна в формах языка – и для нее просто невозможно рядом с одним узбекским словом написать второе в искаженной форме. Точно так же она поступает и наоборот – зная, как правильно пишется и произносится «Ташкент» по-узбекски, в контексте русской речи всегда использует только руси-

фицированную форму. Поэтому «Тошкент» встречается только в этом стихотворении.

Вообще, Ахматова не злоупотребляет экзотикой. В «ташкентских» стихах весьма немного традиционного восточного колорита – пиал, тубетеек, аксакалов и тому подобного. Зато много имен и географических названий. Шехерезада, Лютфи, Ташкент, Самарканд, Дюрмень, Чарджуй. Более того, пространство «азиатского» дома расширяется до предела – Каир, Бирма, Кашмир, Китай. Возникает географически конкретный образ уже фактически всей Азии, включающий Ближний, Средний и Дальний Восток. Это Азия, которая была колыбелью человечества, колыбелью цивилизации. В том числе и поэтому героиня Ахматовой начинает воспринимать свою эвакуацию как возвращение на прародину (несомненная переключка с темой прапамяти), именно поэтому тема Азии звучит как «мой тихий древний дом».

Именно так, как залог стабильности, жизнеспособности и ненаправности всего сущего, воспринимается Азия в уже упоминавшемся стихотворении:

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непрекаемых высот.

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба чёрны,
И так же ветер носит зёрна,
И ту же песню мать поёт.

Интересна и цифра отсутствия, выбранная в первой строке. Как известно, у Ахматовой не бывало ничего случайного. Конечно, это касается и её нумерологии. Вычтя семь веков из середины двадцатого, получаем первую половину тринадцатого века. Время расцвета великой персидско-таджикской культуры, прежде всего, поэзии, связанной с именами Саади, Руми, чуть раньше жили Хайям и Фирдоуси, чуть позже придут Хафиз, Лютфи. Для Ахматовой очень важно сохранить преемственность поэтических традиций, ощущение исторического и культурного родства в масштабах всей цивилизации. И опять же совершенно не случайно, что так настойчиво звучит тема большого и древнего дома всего человечества на фоне разворачивающейся катастрофы, одной из величайших в XX веке прежде всего для европейской культуры и общества. Это и своего рода способ самозащиты личности, и поиск элементов стабильности среди хаоса и гибели.

Для К. Некрасовой Восток остался гораздо менее познанным и гораздо более экзотическим пространством, чем для А. Ахматовой. Хотя как поэт, она оценила красоту мира, взхлеб, по-детски радуясь открывающимся чудесам. Но домом Азия для Некрасовой не стала. Наверное, были здесь и объективные причины, в том числе материального свойства. Не секрет, что в житейском плане ей пришлось еще горше и труднее, чем Ахматовой. Но все же помыслы её были связаны с возвращением в Россию, и вернувшись, Некрасова уже не вспоминала об Азии, по крайней мере, как поэт. Собственно, это и было в её духе – откликаться на новые впечатления, редко вспоминая о прошлом.

Для Ахматовой, напротив, тема памяти была едва ли не нравственной доминантой всего творчества. Образ Азии часто возникал в ее стихах в первые годы по приезде в Ленинград. Потом был печально знаменитый сорок шестой год, очередной период молчания, после которого упоминания восточных тем и мотивов редко встречались в ахматовской поэзии последних лет. Тем не менее, «ташкентские» стихи стали серьезной вехой на творческом пути Ахматовой, для которой всегда был принципиальным культурный диалог, тем более взаимодействие великих культур Запада и Востока.

Я не ставил перед собой цели определить, чей же вариант диалога с иным культурным пространством был предпочтительнее, да это и бессмысленно. У каждого из поэтов был свой путь. Но, надеюсь, что удалось продемонстрировать, как анализ поэтического открытия и постижения «чужого», неизвестного, ранее знакомого только понаслышке пространства, в данном случае Средней Азии, помогает уточнить природу и специфику художественного мышления, кругозор и систему культурных ориентиров поэтов, оказавшихся в сходной жизненной ситуации.

Б. ОСИЕВИЧ
(г. Познань)

ЕВРЕЙСКОЕ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

«Оттепельные» тенденции хрущевского времени принесли заметные изменения в различных областях жизни советского общества. Однако среди многочисленных вопросов, которые могли тогда обсуждаться публично, не хватило места для еврейской тематики. Этот факт отражается в словах Петра Вайля и Александра Гениса, которые справедливо замечают, что в Советском Союзе после сталинского антисе-